

Елена Галинская

А лягушка-то наша – француженка!

Совы, горчица, кир-рояль и одесский фонтан

Мое детство прошло в рабочем районе Пересыпь на улице Московской. Это была приземистая часть города с типичными одно-двухэтажными домами, внутренними дворами, крытыми галереями и квартирами «без претензий». С улицы во двор входили через ворота, по бокам которых стояли тяжелые тумбы. Это был старый двор, заасфальтированный в центре и поросший травой в закутках, с сине-зелеными импрессионистическими тенями на облупившихся стенах, с многочисленными каменными пристроечками, деревянными верандочками, балкончиками, палисадничками и хлипкими заборчиками, выкрашенными зеленой краской.

Мир тогда представлялся мне большим и необъятным, а центром этого мира была невзрачная площадь в конце улицы Московской, там был железнодорожный мост, и это пространство называлось «У Моста». За Мостом начинался большой Город, где я бывала редко, и всегда это было связано с такими экстраординарными событиями, как поход в музей, цирк, театр или на демонстрацию трудящихся 1 Мая и 7 ноября. В Город надо было долго ехать трамваем, и для меня это было упоительно-радостным путешествием. Ах, какой это был Город – яркий, многоцветный, насквозь пронизанный витальной энергетикой! Мы с папой любили гулять и рассматривать дома, несущие печать всех архитектурных стилей. За пышностью парадных подъездов и арок в глубине дворов протекала повседневная жизнь одесситов – одесский неореализм. Но о нем я тогда еще ничего не знала.

В те времена многие улицы были выложены сине-голубыми квадратными плитками из вулканической лавы, «завезенными

из Италии!» – многозначительно пояснял мне папа. После дождя в выемках базальта долго стояли крохотные лужицы – заглядывать в них было моим любимым развлечением.

Особенно нравились мне прямые тенистые улицы в районе между Торговой и Преображенской. Наши прогулки чаще всего заканчивались у оперного театра, где совсем рядом «синеет море за бульваром»... Все улицы и уголки вокруг театра были мной исхожены и изучены. В детстве больше всего мне нравился маленький фонтан с лягушкой: на высоком зеленом пригорке трое обнявшихся детей смотрят вниз, беззвучно хихикают и внимательно всматриваются в сидящую напротив лягушку, у которой изо рта выходит струйка воды. Я могла подолгу стоять возле этой беломраморной скульптуры, расположившейся на фоне Одесского театра оперы и балета. Этот одесский артефакт известен был как «Дети и лягушка». В начале 70-х его переместили на противоположную сторону, поближе к Музею Морского Флота – красивому зданию бывшего

Английского клуба, а на прежнем месте соорудили большой многоструйный фонтан. К этому времени я уже лишь наездами бывала в родном городе. «Дети и лягушка» перед театром навсегда остались в памяти вместе с удивительным трамваем, похожим на дачную веранду, ходившим по Большому Фонтану, вагончиками фуникулера, движущимися навстречу друг другу вдоль Потемкинской лестницы, лошадкой пони в сквере на Соборке и еще множеством других чисто одесских вещей и явлений, озарявших счастьем и радостью мое детство, о которых я вспоминаю с особой нежностью и грустью. Мир этих вещей скукоживается, как шагреновая кожа, и, наверное, уже скоро исчезнет навсегда.

* * *

Муза дальних странствий и охота к перемене мест рано вошли в мою жизнь: я давно с легкостью перелетаю из страны в страну, а города, от одного названия которых когда-то захватывало

дух, стали доступными и посещаемыми. Удивительно, но за границей у меня обнаружилась «двойная память»: непосредственные впечатления, вдруг, как лучом прожектора, прошивали воспоминания, и как будто вспышками света выхватывались эпизоды и картинки былой жизни, создавая плотный слой дежавю. Такие сближения и совпадения я находила и нахожу в самых разных и порой неожиданных местах.

Год назад мы были в Дижоне – столице Бургундии, в прошлом – главном городе

Бургундского герцогства, где, между прочим, начинается Дорога великих вин (La Route des Grands Crus), ездить по которой, как вы понимаете, можно долго-долго... Помимо вина край славится ликером *crème de cassis*, легендарным коктейлем Kir Royal, а про дижонскую горчицу (*moutarde de Dijon*) знают во всем мире.

Историческая часть города в исключительной сохранности, и концентрация красоты на один квадратный метр здесь чрезвычайно высока. Чего только стоят целые улицы с колоритными домами в стиле фахверк (по-французски «коломбаж»)! На площади Освобождения (Place de la Liberation) с одной стороны – дворец герцогов Бургундских, с другой – роскошные дома XVII века, а в центре прямо из плит бьют струи воды, да так внезапно, что не зевай! Отсюда расходятся кварталы, будто сошедшие со страниц романов Дюма, и можно легко представить, как по этим узким улицам ездили повозки, мушкетеры сражались с гвардейцами, ухлестывали за дамами и пили вино. Улица Свободы (Rue de la Liberté) – главная и самая оживленная в городе, она проходит через площадь Франсуа Рюда (Place François Rude), в центре которой стоит символ винодельческой Бургундии – Фонтан виноградаря (Fontaine du Vigneron): на высоком постаменте

бронзовая фигура юноши, ногами он давит виноград, а струи фонтана, бьющие во все стороны, символизируют вино. Площадь с фонтаном вызывает эстетическое удовольствие, это самое фотографируемое место в городе.

На дижонских «пляс» множество террас, где приятно неспешно сидеть за бутылочкой бургундского, любоваться красотой и никуда уже больше не идти. Но совы не дремлют!

Дело в том, что в Дижоне существует так называемый «маршрут совы»: тридцать достопримечательностей от-

мечены золотистыми металлическими указателями в асфальте с изображением симпатичных сов, выступающих в качестве навигаторов и бесплатных гидов, помогающих не пропустить главные городские аттракции. Почему сова? Потому что La Chouette (сова) – символ Дижона. Старинный барельеф этой птицы находится на соборе Дижонской Богородицы. Ну а дальше вы уже знаете: надо погладить сову (обязательно левой рукой, потому как она ближе к сердцу) – и будет вам счастье с исполнением заветных желаний.

Отдавшись на волю сов, нам пришлось двинуться дальше по улице Свободы, закончившейся Триумфальной аркой на площади Дарси (Place Darcy). Когда-то на этом месте были средневековые укрепления. От них ничего не осталось, кроме этой арки – ворот Гийома (Porte Guillaume). И вот тут, у этих ворот, мы неожиданно вышли к скульптуре. Ба! Да это же наш одесский фонтан! Я, как все одесситы, с удовольствием и энтузиазмом люблю отыскивать в европейских городах приметы лестного сходства с родной Одессой... Но в данном случае это было не просто сходство, а самый настоящий одесский фонтан «Дети и лягушка».

Дижонский фонтан назывался «Молодость» (Jeunesses). Позже я узнала, что его автор, французский скульптор Макс Блонда, впервые представил мраморную скульптуру под таким названием на Парижском художественном салоне 1904 года. Работа молодого скульптора имела неожиданный успех, и желающих приобрести такую же оказалось немало. Чтобы удовлетворить спрос, Блонда изготовил несколько реплик своего произведения,

каждая из которых в итоге имела некоторые отличия от оригинала либо в размерах, либо в материалах, либо в отдельных деталях, – только фигурки детей остались идентичными во всех существующих репликах. Фонтан «Молодость» появился примерно в одно и то же время в нескольких городах Европы и Америки, став популярным произведением начала XX века.

Дижон приобрел бронзовую реплику фонтана в 1907-м. Бронзовый фонтан на пляс Дарси показался мне не таким эффектным, как наш мраморный, тут и говорить не о чем! Возле него толпились люди и с восхищением рассматривали умело смоделированные лица улыбающихся детей и их тела, сплетенные в естественных движениях пугливого любопытства при виде застывшей лягушки. Стоп! На чаше фонтана сидела не одна, а целых три лягушки! А у нас ведь только одна!

Но как же эта француженка попала на нашу Ланжероновскую? Конечно, неслучайно.

В начале XX века Одесса все еще купалась в благодатных лучах свободной торговли, богатела капиталами негодичантов, любила

сладкую жизнь и жила в золотом ореоле славы. Не случайно испокон веку Одессу сравнивали с Парижем, а жители Одессы были просто помешаны на французских словах и названиях. Полный очарования приморский город всегда стремился к европейскому лоску, славился своей интеллигентностью и скрытым высокомерием: уж кто-кто, а он-то понимает, что такое вкус и истинное благородство!

Одесские краеведы предполагают, что одна из реплик фонтана от востребованного французского скульптора Блонда была приобретена кем-то из состоятельных одесситов – возможно, известным ювелиром Акимом Биска, и изначально находилась на его роскошной даче на Французском бульваре. Общественным достоянием фонтан стал после революции. На Театральной площади он появился в 20-е годы и сразу же стал одесской достопримечательностью. «Дети и лягушка» благополучно пережили Вторую мировую войну и оккупацию, разрушение во время ремонта и реконструкции оперного театра в 60-х, непрерывающиеся атаки вандалов и всяких хулиганов, перемещение на новое

место в 1970-м. Наконец в 2008-м скульптура была внесена в список памятников культурного наследия Одессы, а в 2023-м вместе с другими объектами исторического центра Одессы – в список ЮНЕСКО.

Прошло сто с лишним лет, а «Дети и лягушка» опять в опасности: они затаились в ожидании сирен и обстрелов из эрэфии... И все ЮНЕСКО оказались ни при чем!

* * *

Фонтан с лягушкой дорог многим одесситам. Думаю, каждого одесского ребенка когда-то в первый раз подвели к маленькой скульптуре из белого мрамора. С ней связаны воспоминания о детстве и родителях, о молодости и друзьях, о детях и внуках.

Я больше не живу в Одессе, но Одесса живет во мне, у меня с ней генетическое родство. Да и вообще, где бы ни жили одесситы, они навсегда в сладкой зависимости от своего феноменального города. Эту маленькую зарисовку прошу рассматривать как еще одну интерпретацию влюбленного взгляда на родной город и пожелание выстоять и дожить до лучших дней. Обязательно!

...В любое время я могу прикрыть глаза и представить зеленую лужайку или цветочную клумбу, в центре которой журчит тонкой струйкой фонтан из моего детства, и, как в былые времена, шумят на улице листья платаны, разменявшие второе столетие... Воистину, «что пройдет, то будет мило».

